

Елена

Владеева

✠ Е В Я Т Ь
Ж И З Н Е Ъ
Д У Ш Ы

12+

Елена Владеева

Девять жизней души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68010895

SelfPub; 2022

Аннотация

Когда нам случается вздыхать о превратностях жизни, мы нередко говорим "что поделаешь – такая судьба уготована" или "от своей судьбы не уйдешь". Но от своей ли? И действительно ли Судьба бесчувственна и слепа? Возможно, она откликается мольбам наших душ, исполняя заветные желания. Только почему-то с опозданием на целую жизнь, являя свою заботу лишь в следующем воплощении. И как же непредсказуемы бывают последствия...

Содержание

Жизнь первая – Лиу Ю (1340 г. Китай)	4
Жизнь вторая – Жильбер (1450 г. Бургундия)	9
Жизнь третья – монах (1590 г. Тибет)	15
Жизнь четвертая – Мария. (1640 г. Греция)	20
Жизнь пятая – Алберт (1710 г. Нидерланды)	25
Жизнь шестая – Прохор (1770 г. Россия)	30
Жизнь седьмая – Исабель (1830 г. Мексика)	35
Жизнь восьмая – Лоренс (1900 г. Англия)	41
Жизнь девятая – Нина (1995 г. Россия)	47
Эпилог.	53

Елена Владеева

Девять жизней души

Жизнь первая – Лиу Ю (1340 г. Китай)

Низко склонив голову, Лиу Ю прилежно шила разложенное на циновках стеганое одеяло, готовила свое приданое. Изредка вставала с колен, чтобы размять ноги, и опять сгибалась над работой. Иголка привычно и споро мелькала в ее ловких пальцах, а неизменные мысли текли уныло и бесконечно, под стать ее имени¹ и льющемуся день и ночь осеннему дождю...

Скоро год, как переделав самую черную работу на кухне и заднем дворе, она безвыходно сидела за шитьем в этой дальней комнатке, теперь ей запрещено показываться в доме, особенно при гостях, и видеть своего нареченного жениха. И прежде Ю лишь изредка встречала его во дворе, когда он уходил или возвращался из школы, а теперь они увидятся только во время свадебной церемонии. Тогда поднимут невестино покрывало с ее лица, и они вместе сядут за стол в первый и последний раз в жизни, потом она будет лишь

¹ Имя Лиу по-китайски означает "текущая", Ю – "звук дождя".

подавать еду мужу. Лиу Ю опасалась, что может не узнать своего жениха, так долго его не видела. Наверно, он стал уже взрослым юношей и мог сильно измениться.

Но судя по тому, что будущая свекровь пока не слишком торопила ее грубыми окриками и подзатыльниками, день свадьбы еще не назначен, хотя скоро ей исполнится четырнадцать лет. Лиу Ю была этой отсрочке даже рада, она побаивалась своего жениха, ведь он никогда не обращал на нее внимания, с тех самых пор, как родители шестилетней девочкой отдали ее в их дом. Но она всей душой искренне молилась о его здоровье, иначе в случае смерти жениха, брак по традиции заключили бы с поминальной дощечкой, а ее, невесту до конца жизни объявили вдовой. В Китае самое обыкновенное дело, когда бедные семьи заранее продают своих ненужных дочерей, если не вполне уверены, что они вырастут красивыми, и потом их удастся сосватать. Ведь выкуп за младенца платят гораздо меньший, чем за взрослую невесту.

А у ее отца и матери родился только один-единственный обожаемый сын и целых пять дочерей. Лиу Ю – третья по счету, и хорошо еще, что никого из них младенцами не бросили где-нибудь на обочине дороги, и такое бывает... Старшую сестру, хоть и просватали с колыбели, но до замужества оставили дома, чтобы помогать матери по хозяйству, а вторую так же отдали в семью жениха безропотной прислугой под власть свекрови. И если сейчас Лиу Ю случилось бы встретиться с сестрами, то они, конечно, не узнали бы друг

друга.

Лиу Ю тяжело вздохнула, и глядя на стену, отчаянно попыталась вспомнить и лицо своей матери, но перед глазами лишь всплывал расплывчатый, смутный образ... Да и мать, наверно, давно позабыла о ней. Ю уже не плакала безутешно тайком, как часто бывало первое время в чужом доме. Скрепя сердце, она свыклась с неизбежностью, притерпелась к беспрекословному повиновению и даже порой напевала за шитьем сложенные ею незатейливые песенки, но совсем тихонько, чтобы не услышала и не разгневалась всегда и всем недовольная свекровь. Пропалывая и поливая огород или ухаживая за скотиной, не запоешь от усталости, а тут изредка можно.

Была у нее раньше и подруга – одна из сестер жениха, они вместе шили и разговаривали о многом. Но недавно ее выдали замуж, еще трех лун не прошло с тех пор, и Лиу Ю осталась сидеть одинокой молчальницей, ей было тревожно и безысходно-грустно, почти до слез. А еще было жаль свою милую подругу – как она там, бедняжка, доброму ли мужу досталась? Не сильно ли помыкают ею в чужом доме? И что за жизнь в скором времени ожидает ее саму? Она старалась выспросить, что могла о ее брате – своем женихе: чем ему угодить и порадовать? Что он больше всего любит из еды? О чем лучше с ним поговорить, когда он будет в приятном расположении духа? А что может вызвать гнев – чего ей надо особенно избегать? Но его сестра и сама мало что знала,

живя в родительском доме почти такой же затворницей. Вот если бы родиться красивой! Наверно, тогда к ней относились бы по-другому...

Лиу Ю печально покосилась на оловянное зеркальце, висевшее в углу. Тускло отразились всегдашнее темно-синее платье и блеклое, едва различимое лицо. Видно там было даже хуже, чем отражение в ведре воды. А вдруг она все-таки?.. Но язвительная свекровь часто попрекала ее тем, что она выросла дурнушкой, хотя раньше надеялась, что у сына будет миловидная жена, которую не стыдно показать гостям. Из-за этого Ю постоянно чувствовала себя униженной и очень виноватой, но что поделать... Самое главное – только бы ей посчастливилось родить мальчика, иначе семья мужа поедом съест! И духи их предков могут наказать, ведь только мужчинам по традиции дозволено совершать поклонение им, возжигая ароматные курения на домашнем алтаре.

Когда бы я птицей могла в поднебесье лететь,
вовек не пришлось сожалеть, что родилась на свет.

О, если бы люди, как солнце, все были добры,
прекрасною стала невесты печальная жизнь!..

Подняв утомленные глаза от рукоделия, Лиу Ю мечтательно и грустно вздохнула... Ах, если бы могло произойти немислимое чудо и перед ней вдруг возник добрый волшебник! О, как она умоляла бы его на коленях, чтобы он исполнил ее заветнейшую просьбу – всего одну, но которой хватит на целую жизнь, полную счастья! – послать ей сердечную лю-

бовь окружающих людей, в особенности мужа и свекрови. И чтобы родители вспомнили о ней. Выше этого несказанного счастья ничего невозможно вообразить! И еще... Чтобы ей было позволено иногда, не таясь, петь свои песни.

* * *

Лиу Ю прожила долгую жизнь и родила шестерых детей. Правда, муж всегда был к ней безразличен и после смерти матери привел в дом наложницу. Зато дети и внуки очень любили свою бабушку, особенно когда она рассказывала сочиненные ею сказки.

Жизнь вторая – Жильбер (1450 г. Бургундия)

Бережно прижимая к боку лютню, Жильбер торопливо спускался по винтовой лестнице вслед за служанкой, указывающей дорогу. Случилось то, чего он давно опасался, и теперь вынужден крадучись пробираться, словно шкодливого кот. Когда после выступления перед знатными гостями его окликнула камеристка виконтессы, сказав, что госпожа просит пожаловать к себе, но повела не через парадные покои, а потайной лестницей, он понял, что погиб... Тотчас слетел хмель, неизменно окутывавший его в чарующий миг между последним, тающим под темными сводами звуком баллады и первыми восторженными хлопками замороженных слушателей.

Жильбер едва не передернулся – таким непристойным в своей откровенности было лицо ее светлости и придыхание, с которым она произнесла, что хочет отблагодарить его за удовольствие, полученное от восхитительного пения. Приблизившись вплотную, томно вынула из-за корсажа золотой медальон на витой цепочке и пожелала сама надеть подарок на шею менестреля. Поблагодарив с должной учтивостью, он склонил голову, но виконтесса, проведя рукой по его волосам и призывно пожирая взглядом, начала медленно расте-

гивать ворот пурпуэна и жадно скользнула горячими пальцами под сорочку, обдав запахом пачули. Что Жильбер в смятении бормотал ей, он дословно не мог вспомнить, но надеялся, что хотя бы на время спасся отчаянным и льстивым самоуничижением, с трепетным благоговением перед высокородной госпожой и благодарного почтения к ее супругу, столь милостивому своему покровителю.

С явным неудовольствием он был наконец отпущен, и служанка вывела его в галерею, откуда путь был уже знаком. Держась в тени зубчатых стен, таясь от лунного света, Жильбер проскользнул по внутреннему двору до боковой башни и взбежал к себе наверх, в отведенные ему комнаты. В полумраке лестнице, при тусклом огоньке масляного светильника, заметил темный силуэт в накидке с капюшоном, притаившийся в боковой нише. Невольно вздрогнул – кто это? Уже?.. Закутанная женщина с быстрым поклоном протянула письмо "от известной ему особы" и торопливо скрылась. Но Жильбер узнал голос, и облегченно выдохнув, сунул за пояс свернутое письмо.

Еще с порога крикнул служанке Аннет, чтобы скорей подала умыться – так невыносимо он пропах благовониями виконтессы, так надеявшейся его обольстить. Но прежде положил на место лютню, обернув ее любовно тонким полотном. Швырнул на кровать сорочку с письмом, и подхватив шнурком чуть вьющиеся волосы, с наслаждением подставил шею и плечи под струю из кувшина. Но резко отшатнулся – во-

да оказалась слишком холодной! В ярости он хлестко ударил Аннет по лицу: "Ты что, угробить меня хочешь, дрянь?! Чтобы я голоса лишился?" Перепуганная девушка опрометью выскочила за дверь и через мгновение вернулась с горячей водой, не смея поднять на него глаза. А когда он вытирался протянутым полотенцем, робко поцеловала между лопаток, и всхлипнув, виновато прижалась мокрой щекой. "Ну, ладно, ладно... не плачь." Аннет радостно вздохнула, и ласкаясь, обняла его со спины, скользнув по груди ладонями. Жильбер недовольно отстранился: "Не сейчас, крошка. Пока ступай, я позову..."

Он старательно запер за ней дверь, а то женщины слишком любопытны и ревнивы, дай им только волю. Какую пакость устроила мерзавка, уловив чужой запах! Теперь ей придется очень постараться, чтобы загладить вину... Хмыкнув, он отпил терпкого вина из кувшина, и утомленно зевая, кинулся на постель. С удовольствием вытянул уставшие за вечер ноги, и нашарив под боком письмо, сломал знакомую печать.

"Жильбер, любовь моя! Минула уже третья неделя, как я не имею счастья обнять тебя. Все дни проходят в неутолимых страданиях сердца и неизбывной тоске по твоим..." Жильбер закатил глаза и с досадой скрипнул зубами! Опять придется где-то украдкой поджидать ее паланкин... Или высиживать воскресную мессу, а после топтаться у чаши со святой водой, чтобы Леонора осчастливилась прикосновением

его руки и парой слов. "Муж завтра уезжает по приглашению родных на несколько дней. Умоляю, дай мне знать, когда мы наконец сможем увидеться? Я буду со страстным нетерпением и... "

Еще не легче! Ну почему ее муж не занудный старик-домосед, а беззаботный охотник? Конечно, Леонора знатная дама и не столь навязчива, как разбитная хозяйка гостиницы, где он остановился по приезде в этот город, к тому же именно она представила его виконту, но все же невыносимо так докучать своей безудержной любовью. Хорошо, что скоро Великий пост, закончится праздничный угар с круговертью выступлений перед гостями замка, наступит долгожданный покой, и тогда он все обдумает и найдет выход. Легким движением, неизменно сводящим с ума женщин, он небрежно откинул волосы со лба и предался печальным размышлениям.

Ясно, что виконтесса не простит ему отказа. Было в ее глазах нечто рысье, таящее угрозу, а такие намеченную жертву просто не выпускают. И ей уже за тридцать – возраст самых неумных страстей для женщины. Она способна на любое коварство, чтобы из мести навлечь на него гнев супруга или подослать кого-нибудь с кинжалом. Неужели из-за ее прихоти рассыплется прахом старания целого года? Все так удачно здесь складывалось: беспечная жизнь менестреля во дворце благоволившего к нему виконта, рукоплескания изысканной публики и восторженная любовь чувстви-

тельных дам.

А недавно проходя рыночной площадью, он услышал, что какой-то ловкий малый поет его балладу, причем вполне сносно, хотя и безбожно перевирая слова – значит, слуги уже разнесли ее по городу. И судя по тому, как щедро сыпались певцу монетки от столпившихся слушателей, творение Жильбера оценено ими по достоинству. Если придется отсюда уехать, разумеется, он со своим даром не пропадет. И прежде в разных городах Бургундии его нарасхват приглашали на праздники гильдий и в богатые дома. Но все же отчаянно жаль...

Эх, скрыться бы от всех неприятностей в дальнюю, уединенную деревушку и тихо пожить отшельником в свое удовольствие. Главное, чтобы ни одной из прилипчивых женщин не было поблизости! Чтобы никто не смел посягать на его свободу! Кажется, он согласился бы даже подурнеть лицом... так, самую малость. И сразу вспомнил, как в одном приветливом городке его хитроумной уловкой чуть не заманили к алтарю, и пришлось спасаться позорным бегством. Да, остается исчезнуть в глухую деревню. Возможно, там к нему вернется вдохновение, и он сможет завершить балладу, начатую еще осенью и теперь безнадежно заброшенную. "Благоговейно умолкает голос мой перед безмолвною улыбкой уст прелестных..." Губы Жильбера чуть дрогнули, любовно припоминая и с наслаждением пробуя на вкус полузабытые слова...

"Еще одна метель замкнула года круг, и ускользя вслед за ним..." Он промурлыкал еще несколько звуков, изящно протанцевав пальцами в воздухе, и мечтательно вздохнул, сладостно уплывая из тревожной реальности... Его веки смежились во сне, свиток забытого письма выпал из разжавшихся пальцев и скатился на пол. "... тысячу раз с преданной любовью и мучительным восторгом целую твои чудесные руки, чье волнующее прикосновение превращает мое сердце в певучую лютню, на струнах которой ты..." "

* * *

Жильберу пришлось покинуть замок виконта. Потом были другие города и другие покровители. Через десять лет он отправился на родину узнать, жива ли еще его матушка? По пути его заколол ножом в таверне чей-то ревнивый муж. А баллады, сочиненные им, еще долго звучали в городах Бургундии.

Жизнь третья – монах (1590 г. Тибет)

Старый худой монах с болезненной тоской посмотрел на низкую дверцу, за которой исчез юноша. Потом задумчиво перевел тусклый взгляд к маленькому окошку. Вековой покой устремленных в небеса заснеженных гор на фоне небесной лазури всегда возвращал мыслям умиротворяющий и возвышенный настрой – то, чего ему сейчас мучительно не хватало. И хуже того, он постыдно нуждался в утешении...

Почти семь десятков лет отрешенности от мира, стоического преодоления множества свойственных человеку слабостей и полного аскетизма. По священному завету Будды он покинул родительский дом, освободившись от всех житейских привязанностей и мирских ценностей, чтобы не знать ни суетных стремлений, ни сожалений и страха, ни душевных страданий. Он прилежно трудился для монастыря и часто ходил по окрестным горным деревням, собирая скудные пожертвования. Год за годом учился управлять своим сознанием и жизненной энергией через овладение пранаямой, совершенствовал свой дух, очищая карму ради будущего обретения нирваны.

Он почти достиг состояния полного покоя и в медитации не раз испытывал просветление самадхи, воспаряя к высшей

реальности, постижению истинной сущности бытия и сливаясь с "душой мира"... Все здешние монахи относились к нему с искренним почтением, а иные даже называли его не только гуру, но и "освобожденным при жизни"². И многие миряне приходили за советами, в которых он никому не отказывал.

Последние несколько лет он жил строгим отшельником, питаясь лишь цампой³, замешанной на воде. И лишь старческая слабость, когда не осталось сил, чтобы дойти с кувшином до источника по вырубленным в скале ступеням, вынудила его со смиренной благодарностью принять помощь, предложенную настоятелем монастыря. Но с появлением в келейке молодого послушника с его душой произошло что-то немыслимое и даже испугавшее поначалу.

Это случилось в день, когда юноша, помогая старику подняться с циновки, заботливо придержал его под спину, и тот ощутил прикосновение теплых ладоней. Монах уже не помнил, сколько лет назад он в последний раз дотрагивался до чьей-либо руки. Большого мужества стоило ему заглянуть в потаенные глубины своего сердца и осознать всю сокрушительную правду... Но после горького прозрения стало легче, будто он скинул тяжкий, навьюченный кем-то непосильный груз.

² дживанмукта – "освобожденный при жизни", освобожденный из сансары, круговорота рождения и смерти.

³ цампа – мука из обжаренного ячменя, традиционная тибетская еда.

И сейчас он, не задумываясь, отдал бы все постигнутые им премудрости и дарованные Небом прозрения за счастье назвать этого юношу сыном – своим родным сыном! Ему хотелось так много рассказать ему, передать – от сердца к сердцу! – опыт всей долгой жизни, накопленный испытаниями, поделиться самыми сокровенными думами – ведь у него никогда не было на свете близкой души. Но в последнее время он с грустью замечал, что юный послушник, с неизменной предупредительностью опекавший его в не всегда опрятной немощи, стал тяготиться бесконечными назидательными разговорами и стараниями монаха удержать его рядом с собой. А старик, мучительно это понимая, не в силах был остановиться, словно все мысли и чувства, накопившиеся за годы отшельнического молчания, прорвали невидимую запруду, не зная удержу, и он все что-то шамкал беззубым ртом...

Кто сказал, что в старости человек обретает мудрость? Нет, похоже, что сам он начал впадать в глупое детство... А если чувства, безраздельно овладевшие им, все же продиктованы мудростью, тогда итог прожитого становился еще плачевнее. По многолетней привычке старик иногда пытался отвлечься медитацией, но тщетно – он уже не способен был, остановив поток сознания, покинуть скорлупу своего тоскующего "я" и больше не ощущал ни любви, ни благодарности к Небу. Это ужасало, но странным образом освобождало его, отпуская... Он и так слишком задержался на земле.

Оказывается, вся жизнь прошла напрасно – в бесплодных попытках обрести высший покой для души он завел себя в тупик безысходного одиночества и страдания. Разве кому-то принесла радость его бессмысленная отстраненность от мирской жизни людей и сознание некоей избранности? Или хоть небольшую пользу – это иссохшее в постах и целомудрии тело, выносливое до бесчувственности? А кому пригодился его надменный ум, возомнивший, что он сумеет, уподобясь Просветленному, приблизиться к высокой мудрости и пониманию тайн бытия? Плачь теперь, горько плачь, одинокий старик.

Слеза скатилась по темной, морщинистой щеке... Подслеповатыми глазами монах печально смотрел на склон ближней горы, и уже почти не видя ее, лишь по памяти представлял извилистую тропинку среди камней и зеленых кустарников, сбегаящую в долину. И почти воочию увидел: вот они идут там с маленьким сынишкой, весело о чем-то разговаривая... Остановившись у журчащего ручья, с удовольствием перекусывают разломленной пополам лепешкой с дикими абрикосами, и смеясь, пьют из пригоршни студеную прозрачную воду. Потом снова идут дальше, он крепко держит теплую ладошку сына, и звонкий мальчишеский голосок перекликается со щебетом птиц в листве...

А внизу, в домике у подножия горы, его ждет с ласковой улыбкой жена, и остальные их ребятишки с радостными криками и взвизгами выбегают навстречу. Он тоже улыбается,

широко раскидывая руки, чтобы с любовью всех обнять, и знает, что всем им очень нужен и больше никогда не будет одинок на свете!

* * *

Старый монах тихо умер во сне через полгода. Почтительная память о нем еще сохранилась в монастырских хрониках.

Жизнь четвертая – Мария. (1640 г. Греция)

Через силу улыбаясь и помахав рукой уходящим, Мария обхватила свой большой живот и тяжело осела на табурет у порога. Качнулась, мучительно закусив губу, из стороны в сторону... Ох-х!.. Этого ребенка она носила тяжелее всех и боялась родить до срока. Все раньше обычного приготовила, даже поисповедалась-причастилась, и соседку, которая у нее всегда принимала, загодя предупредила – мол, если что... Это из-за болезни Агапи случилась такая напасть, когда маленькая сильно животиком мучилась, все время кричала, а потом даже судороги начались. День и ночь напролет приходилось носить ее на руках, прижимая к себе – только так она затихала и засыпала ненадолго. Счастье, что девочка вообще выжила.

Уф-ф, кажется, отпустило... Мария перевела дух, отерла взмокший лоб и по обыкновению посмотрела вслед мужу и сыновьям, еще мелькавшим на извилистой тропинке среди виноградников у подножия горы. Младший Костас держался за руку отца, и видно, что-то увлеченно ему рассказывал, заглядывая в лицо и нетерпеливо подпрыгивая на ходу. А старший, как заправский работник, вышагивал со своей небольшой, по росту, мотыгой и нес корзинку с едой.

Мать слабо улыбнулась – надо же, как вырос их мальчик, ведь двенадцатый год пошел! Демис оказался на радость крепким и здоровым, не зря Мария так долго кормила его – чуть не до полутора лет, пока снова не затяжелела. Такой смешной был – уже и говорить начал, а все за грудь теребил. Наиграется во дворе, подбежит, в колени ей ткнется, и ручонками вверх тянется, за сорочку ее хватает: "Ма-ма!" И так сладко все в ней таяло, счастливо... Потом, с другими детьми такого уже не было. А может, у нее сейчас двойня? Беспокойства внутри уж больно много... Вот веселье-то ей будет, как заорут в два горла! Еще одна парочка неразлучных.

Она перевела глаза на Нико и Агапи, строивших что-то старательно посреди двора из песка, камешков и обломков хвороста. Малышка вдруг сильно расшалилась и звонко смеясь, начала посыпать братишку песком. Пришлось ее строго приструнить – не дай бог, еще в глаза ему, да и себе попадет! Хорошо, что Нико уже все понимает и тем же сестре не отвечает, все-таки четыре года мальчонке.

Когда за обедом все дети сидели вокруг нее, и держа по ломтю свежеиспеченного хлеба, нетерпеливо глядели пятью парами веселых глаз-маслинок, как Мария ставит на стол большой глиняный горшок дымящейся фасолы, она по-матерински чувствовала себя гордой и знала, что вовсе не напрасно топчет землю. Да и муж еще частенько поглядывал на нее завлекательно... Даже теперь, на сносях Мария

видела, что скучает по ней Георгос, томится, как молоденький. Они с ним и поженились когда-то по вспыхнувшей огнем жаркой любви, когда встретились на большом осеннем празднике после уборки винограда, где по давнему обычаю сходились три окрестные деревни. Ах, как он тогда обхаживал ее, во все глаза любуясь и смешно ревнуя ко всем подряд! Как горячо и настойчиво упрашивал выйти за него замуж, в чем только не клялся! Вспомнится иной раз – и внутри тихо сомлеет...

Она тоже сразу в него влюбилась – Георгос был парень видный, со всех сторон ладный. Но и себе Мария цену знала – в своей деревне завидной невестой считалась и лучшей плясуньей. А потом для нее начались такие пляски, что если не носишь ребенка – то кормишь, и во всякое время по дому только успевай поворачиваться! Одних пеленок сколько перестираешь, особенно, когда дети болеют, а уж страху-то за них натерпишься, не приведи Господь!

Ну что ты, мой маленький, опять разбуянился? Разволновала тебя мамка своими разговорами? Все-все, больше не буду. Ой, только не надо коленками! Можешь пяточками пошалить тихонько... вот так... Нет, ей грех жаловаться – все у них в семье хорошо, по-доброму. Родить бы еще благополучно – и слава Богу! Сейчас она еще чуток посидит, передохнет малость, пока Хриса подоит коз – самой ей уже не нагнуться – да выгонит их пастись, и пора заниматься обедом. Еще надо переложить вынутый вчера сыр и не забыть

проверить, створожилось ли молоко? Счастье, что у нее дочка такая расторопная и понятливая помощница, в девять лет уже многое умеет. А то, как бы ей одной со всем хозяйством управиться? Агапи еще не скоро подрастет, только-только за братом поспевать начала, хвостиком теперь за ним бегают.

Мария улыбнулась, посмотрев, как возятся, играя в песке, младшие дети, и печально вздохнула, вспомнив их среднюю девочку, умершую от кори совсем крошкой. Двоих старших она сумела тогда выходить, а ее не уберегла, очень малышка была слабенькой. И мать не могла ей помочь, уже тогда сильно хворала, слегла совсем... И никакие отчаянные молитвы не помогли – а уж как Мария плакала, как просила на коленях Пречистую Деву спасти ее бедную дочурку! Но молись – не молись, а от своей судьбы человека никто не избавит. Даже святые праведники и те почти все – страдальцы, что же про нее, грешную, говорить...

А ведь как было бы славно в полном покое и довольстве пожить! Чтоб у детей няньки были, а на дворе работники. А самой вволю бы отоспаться да на мягких подушках понежиться – а чтобы все вокруг за тобой ухаживали, есть и пить самое вкусное подавали! Разные мелкие желания исполняли и даже развлекали, как дитя балованное... Мария чуть не рассмеялась своим глупым, девичьим мыслям.

– Мама, я коз подоила." – Хриса с ведерком уже спешила к дому.

– Умница, дочка! Сейчас и я приду.

Ну, ладно, повспоминала, помечтала и будет. Обед сам собой не сварится. Пора делами заниматься, солнце-то уже над ближним склоном показалось! Опершись о табуретку, Мария с трудом поднялась... Охнув, схватилась за поясницу – ишь, как разламывает! – и медленно пошла к дому.

* * *

Мария благополучно родила еще одного сына, вырастила и переженила всех детей, успела порадоваться внукам. И только к старости, овдовев, сильно затосковала и всего на два года пережила любимого мужа.

Жизнь пятая – Алберт (1710 г. Нидерланды)

Их внушительный дормез, запряженный четверкой крепких лошадей, степенно катил вдоль берега широкого Рейна. Алберт, не отрываясь, смотрел на расстилавшуюся вокруг прекрасную речную долину с маленькими уютными деревушками, водяными мельницами, полями и пастбищами. Никогда не виданное им чудо! И здесь уже царила настоящая весна. Когда они отправлялись в путь из Роттердама, то кутались в меховые одеяла, а сейчас они вовсе не нужны. Алберта так и подмывало поделиться своими восторженными впечатлениями с матушкой, но она тихо дремала в уголке, видно опять плохо спала ночью. Вообще дорога была ей в тягость, прежде она не выезжала из родного города, и Алберт порой чувствовал себя виновником ее неудобств, но даже это не уменьшало его счастья. Он только всячески старался развлечь матушку, и она ласково и понимающе улыбалась в ответ.

Из гостиницы выехали по обыкновению рано, лишь наскоро позавтракав, чтобы успеть побольше проехать до наступления вечера. Отец сразу же пересел в карету к синьору Буоно – им надо поговорить о торговых делах, и Алберт вел беседы со своим всегдашним другом и помощником Янсом.

Время от времени он то радостно тормозил его за руку, указывая на что-нибудь интересное и необычное, то расспрашивал: во что играют вон те мальчишки или что возят в таких странных повозках, и чем может быть эта, непривычная его взгляду, островерхая постройка? Янс тоже с любопытством прикинул к окну, перегибаясь через недвижные ноги Алберта, и все подробно объяснял о знакомых ему вещах или строил всевозможные предположения. Любоваться на окрестные виды им было очень удобно, поскольку отец распорядился сделать в боковой стенке дормеза окошко совсем близко к спинке, чтобы Алберту не приходилось тянуться к нему, а надо лишь повернуть голову.

Когда он уставал долго сидеть, Янс заботливо укладывал его отдохнуть, и Алберт иногда читал, а чаще лежал с закрытыми глазами и блаженно грезил... Раньше он просто перебирал в уме разное, ведь все житейские мечты существовали для других, а ему оставалось размышлять о прочитанном, и особенно об дальних путешествиях отважных мореплавателей, повторять латынь или мысленно разбирать шахматную задачу, предложенную отцом.

Бывали еще волшебные, диковинные сны. В них Алберт неизменно сбрасывал свою увечность и невесомо кружа, летал над городом, подобно птице... И чувствовал, что вот-вот будет допущен к несказанной тайне, как избранный. И сон не обрывался горьким пробуждением, а растворялся в нежном тумане, оставляя в душе ласковое обещание... Но сны

являлись по собственной прихоти, их нельзя было вызвать ни усилием разума, ни робкими просьбами, он суеверно боялся их спугнуть и просто ждал.

А теперь в его душе поселилась... Странно сказать – надежда, неизвестно на что... Одно несомненно, скоро он увидит чудесную цветущую Италию, о которой так много слышал от сеньора Буоно. Прекрасную страну, родину легендарных античных героев, цезарей, полководцев и поэтов! Они посетят древний Рим, Геную, Флоренцию, Неаполь, и на свое десятилетие он получит долгожданный подарок – увидит Средиземное море, сбудется его заветная мечта! Они проведут лето гостями сеньора Буоно в городке Амальфи на скалистом берегу залива, и само название было, как тающее во рту леденцовое, воздушно-мятное лакомство... Там он сможет искупаться в настоящей морской воде и вдоволь понежиться на песке под горячим южным солнцем. Над головой будет осеняющая весь мир яркая голубизна, так непохожая на низкое пасмурное небо их родины. И возможно от итальянского тепла хотя бы к пальцам его ног вернется чувствительность.

Иногда Алберту казалось, что он явственно помнит себя здоровым ребенком, который мог делать все, что вздумается! Или это лишь его горькие фантазии? Ведь по словам родителей, ему едва исполнился год, когда он упал откуда-то по недосмотру рассеянной няньки и так непоправимо искалечил спину, что у него совершенно отнялись ноги. Пригла-

шенные доктора только покачали головами и в один голос сказали, что в позвоночнике поврежден самый главный нерв. Каких только лечений не старались употребить любящие родители, долго не терявшие надежды помочь своему мальчику! Но потом стало ясно, что все попытки исцеления бесполезны и напрасны, они лишь усиливают мучения сына, и остается единственное утешение – окружить его всевозможными заботами, и по мере сил, интересными занятиями и развлечениями.

А когда отец объявил, что ему удалось отложить достаточно средств, и весной они все вместе отправятся в Италию, Алберт был на седьмом небе от счастья! Целых полгода он страстно предвкушал эту поездку, стал прилежно учить итальянский язык, уже достаточно хорошо его понимал и даже немножко говорил, весьма одобряемый сеньором Буоно, торговым компаньоном отца. Тот обещал, что гостя у него, Алберт сможет обучаться игре на лютне или флейте вместе с его детьми. Наконец, все приготовления были завершены, прибыл заказанный просторный дормез, переносное кресло для Алберта и новые платья для матушки. Лошади наняты, дорожные сундуки и корзины уложены. Отец оставил управление мануфактурой на старшего брата Бена, и семья тронулась в дальний путь. Скоро, уже совсем скоро он увидит красоты дивной Италии!

Но всем этим блаженством, не раздумывая, он пожертвовал бы в эту минуту, чтобы проворно и беспечно пробежать

по берегу, ярко зеленеющему молодой травой, вслед за промчавшимися куда-то и задорно перекликающимися деревенскими мальчишками в грубых башмаках! Из простого озорства ловко залезть на самое высокое дерево в округе и замахнуться свистнуть оттуда! Или отчаянно проскакать верхом, пустив лошадь в галоп, под испуганное аханье матушки и уважительную похвалу отца. Или самому поднять на мачту и закрепить тугой белый парус, наполненный весенним ветром, и плыть на большой лодке по речной глади – к долгожданному морю, в необозримую даль!

* * *

Алберт прожил с матушкой в Италии до осени. И хотя здоровье к нему не вернулось, это был самый прекрасный и счастливый год в его короткой – чуть больше двадцати лет – жизни.

Жизнь шестая – Прохор (1770 г. Россия)

Прохор, как повалился на рогожу в углу, так и лежал, изредка сплевывая кровь и почти не шевелясь, только чуть подоткнул жесткий край себе под голову, так в ней вроде потише бухало. В этом тесном закутке под трапом матросы всегда отлеживались после особо жестокого наказания на баке, когда линьками на спине всю шкуру спустят. Огнем горела распухшая губа и голая десна – их капитан зараз меньше трех зубов никогда не выбивал. Первое время Прохор удивлялся, отчего у многих, особенно давно служивших матросов, слева щербатые рты? Потом ему разъяснили, но самому отведать знатного кулака еще не доводилось, и вот сподобился... Показалось строгому капитану, что Прохор не слишком расторопно выполнил команду, когда на корабельных учениях они брамсель убирали. Нос-то у него сызмальства бывал разбит столько раз, что не упомнишь, и когда с дерева или с забора падал, и когда они с хлопцами на пустыре стенка на стенку ходили.

Маманя всегда шибко ругалась за драки, зверьми и нехристями их называла, а глянула бы на него сейчас – поди, заголосила... Это в драке можно увернуться, а тут не смей рожу уклонять. И спина у него линьками бывала исполосована, но

такого, чтоб выплевывать свои зубы, с ним прежде не случилось, а что кровищи-то на палубу хлынуло! Даже капитану на перчатку брызнуло, и тот в ухо еще за это добавил – у Прохора аж в голове загудело, будто рядом ударил огромный колокол...

На Пасху, когда по церквям всех, кто пожелает, пускали звонить, они с братом Фролкой всегда лазали на самую высокую соборную колокольню. Глянешь оттуда, и дух захватит – весь город вокруг виден, со всеми улицами, домами, и сады вокруг, и торговые ряды на площади, и народ праздничный гуляет. Все лежит перед тобой, как на ладони, и невозможно вдоволь насмотреться, глаз не хватит! А в небе колокольный звон не умолкает... Высоты Прохор ничуть не боялся, мог сильно перегнуться животом через решетку и разглядывать стоящих внизу. А соборный колокол большущий, страсть какой тяжелый – вдвоем с Фролкой еле-еле могли язык за веревку раскачать, и гул раздавался такой, что они глохли, и еще долго потом кричали в ухо друг другу, и смеялись до упаду...

Мог ли подумать воронежский хлопец Прошка, когда его в рекруты забрали, что попадет он во флот и будет на море воевать турку? Кто б сказал – нипочем брехуну не поверил! И сейчас иной раз не верится спросонья... Да будь его воля – век бы этого проклятущего моря не видеть! Но бросило, будто щепку, в водоворот... И вот уж полтора года он вместе с другими матросами сначала карабкался, а теперь лихо

взлетает по вантам и реям, крепит паруса на бизань-мачте, при которой состоит в команде, несет положенные вахты и драит палубу. Хлебает со всеми из общего котелка, ютится в кубрике и вечерами, в потемках, качаясь на подвесной парусиновой койке, возится под истертой дерюжкой, представляя себе то бедовую Глашку, с которой бесстыже тискался в лопухах за сараями, а иной раз, грешным делом, и тихую Фенечку... Но сейчас он со своей бедой остался один на свете, мамане не пожалишься... Прохор и в самом деле был в кубрике почти один, только спали, похрапывая, сменившие с ночной вахты.

Вдруг снаружи что-то гроыхнуло... Потом еще, и еще раз, отдаваясь до самого трюма! Похоже, начиналось сражение? Наверху засвистала боцманская дудка, фрегат заметно накренился, разворачиваясь, и ужас как сильно бухнуло уже внутри – это в ответ по туркам начали стрелять их пушки. Ну, теперь держись! Загрохотал вниз по ступенькам вахтенный и зычно заорал, расталкивая сонных матросов: "Всех наверх! Тревога!!!" И про него, Прохора, не забыл: "А ты – на батарею, живо!" Он с трудом поднялся, еле держась на ногах и хватаясь руками, добрался до оружейной палубы.

В этой преисподней Прохору еще не доводилось бывать. Сначала задохнулся и вовсе ничего не видел за едким пороховым дымом, только уши закладывало от страшного, оглушающего грохота. Полтора десятка пушек, сотрясая корабельное нутро, огнедышащими чудищами извергали в от-

крытые порты чугунные ядра и резко откатывались назад. Полыхали смоляные факелы, закопченные пушкари с мокрыми от пота спинами бешено сновали подле орудий, быстро возвращали их на место после выстрела, закладывали в стволы ядра и насыпали порох. Офицеры, рубя воздух рукой, яростно и хрипло кричали: "Пли!!!", все беспрерывно ухало и содрогалось. Вместе с орудийной прислугой Прохор из последних сил подтаскивал тяжелые ядра. Невыносимо мучило и болью жгло затылок, но он крепился из последних сил. Наконец, в глазах потемнело, и он рухнул возле пушки. Его быстро отволокли в сторону, чтоб не мешался под ногами.

Непонятно, много ли прошло времени, когда Прохор слабо пошевелился, мучительно продираясь из беспомощности... Перед глазами кружились пятна, искры и плыли какие-то лица... Он почти явственно увидел их гладкорожего капитана и тут же очухался, но в голове опять ударил давешний колокол, разрывая уши и расплющивая болью. "Лучше б сразу помер... А этот гад, небось, петушится сейчас на палубе, команды раздаёт. Людей гоняет да платочком белым помахи-вает. Удавить гниду своими руками! Это только говорится, что все люди под Богом ходят, мы-то, как ни крути, ходим под господами. А там наверху небо... ярко-ярко голубое..."

Совсем близко раздался громкий треск и раздирающий душу вскрик – видно, турецким ядром здесь пробило борт. И все они очень скоро могут отправиться напрямик туда, на небо... Интересно, заметишь ли, как будешь лететь, или

все пронесется мимо впотьмах? И вспомнит ли кто, что был такой человек – Прохор? Весь измордованный.... Эх жаль, нельзя убить капитана! Для такого дела он бы напряжился, силенок еще хватит – а тогда и помирать не так обидно! Все одно, за двадцать пять лет службы не уцелеешь.

"Заряжай! Пли! Пли!.."

* * *

В том Чесменском бою их корабль, к счастью, уцелел. Прохор отслужил весь долгий матросский срок и возвратился в Воронеж. Родителей живыми не застал и поначалу жил в семье брата. Приткнулся к плотницкой артели, потом сошелся с нестарой еще вдовой и обосновался у нее.

Жизнь седьмая – Исабель

(1830 г. Мексика)

Бальная зала кружила вокруг, увлекаемая звуками скрипок, блистая сотнями свечей, искрясь украшениями и взорами дам. Но Исабель великолепии бала видела вскользь, через волшебную золотистую вуаль, отделившую их с капитаном от реальности мира... Все сияние, пьянящий восторг и счастливые надежды лучились из серых с морскими переживаниями глаз Мигеля – и не было для души омута желанней и слаще! Как дивно отличался он от примелькавшихся лиц, предсказуемых разговоров и наскучивших любовных признаний. Поистине, он явился сюда загадочным гостем, будто океан вдохнул в него таинственную силу, а не только носил по волнам ведомый им фрегат.

И она, Исабель – красавица и богатая наследница, обожаемая знатным отцом, ведущим родословную от первых конкистадоров, избалованная поклонниками – отдалась этой властной стихии с первого мгновения, когда на венчании в соборе встретила взглядом с незнакомым капитаном, чья сестра выходила замуж за сына губернатора.

И на свадебном обеде их места, в числе почетных гостей, оказались рядом – судьба покровительствовала им! Беседа за столом сразу приняла непринужденный тон, капитан откры-

венно восхищался прекрасной Исабель, и не сводя с нее выразительных глаз, столь увлекательно рассказывал о дальних путешествиях, что совершенно очаровал ее, немало удивленную галантностью морского офицера. Он пригласил ее на первый танец и все последующие, если несравненной Исабель будет угодно видеть его своим кавалером. А когда после церемонной сарабанды, в которой они шли следом за новобрачными, капитан подвел ее к отцу, то беседовавший с ним губернатор, поощрительно улыбаясь, назвал их самой красивой парой среди танцующих. Но впереди еще предстоял долгий котильон – его она ожидала с особым нетерпением! Мигель, несомненно, должен с ней объясниться между турами танца, лишь из деликатности не сделав этого раньше.

* * *

– Сеньорита, Ваш отец прислал узнать, спуститесь ли Вы к обеду?

Внезапный голос камеристки так грубо сдернул вуаль милых воспоминаний, что Исабель тихонько застонала...

– Передай отцу, что я прошу меня извинить! Очень болит голова, и я не выйду обедать. Ступай!

* * *

До котильона оставались еще контрданс и менуэт, в котором Исабель хотелось блеснуть перед капитаном – пусть Мигель со стороны увидит, как обворожительно она танцует! Для чего употребила небольшую хитрость, мимолетно намекнув преданному поклоннику Федерико, что в этом изыс-

канном танце лишь он достоин чести составить ей пару. Уже осчастливленный Федерико вскинул голову, как арабский скакун, а дирижер вскинул палочку, дав несколько вступительных тактов, когда земля разверзлась под ее ногами и весь мир обрушился – в дверях залы появился французский посланник об руку с красавицей дочерью.

Лебедь ли белый поплыл по зеркальной глади среди черных галок, или у нее в глазах потемнело? Но в одно мгновение черноокая несравненная Исабель была забыта капитаном ради светлых локонов и голубых глаз Адели, чье имя так издевательски созвучно ее собственному. Как выдержала до конца бала, она помнила смутно, сквозь зеленоватый туман... Только чудом и последним усилием воли не лишилась чувств, во многом благодаря учливой ловкости Федерико, скрывшего во время танцев ее состояние, близкое к обмороку. Конечно, он все понял, но странно – не радовался ее унижению, видно и вправду очень любил. Исабель хотела сразу покинуть бал, но отец, поддержав под локоть, сказал предостерегающе: "Элисия! Вытерпи еще один день." Он всегда называл ее вторым именем, если видел, что дочь намеревается совершить неподобающий их положению поступок. Прежде всего – хранить фамильную честь! Усмирив свое кровоточащее сердце... Нельзя даже искоса взглянуть, как страстно капитан целует руку субтильной француженке, подсаживая ее в карету и многозначительно прощаясь до завтра.

* * *

Оперная дива выводила безутешные рулады над расprostертым телом возлюбленного, заколотого злодеем. "Федерико, а Вы могли бы ради меня... убить?" – Исабель пристально взглянула на горделивый профиль кабальеро, особенно выразительный на фоне освещенной сцены. Чуть помедлив, он произнес глухо: "На дуэли – без сомнения." И она остро почувствовала, что верный Федерико уязвлен ее откровенным вопросом. Ах, как глупо получилось!

"Не хмурьтесь так трагически! Я ведь пошутила." – Исабель ласково улыбнулась, слегка тронув обшлаг его рукава. Но кажется, он заметил, что ее рука предательски дрогнула, разоблачая горькую тайну сердца. Ей мучительно хотелось обернуться на ложу губернатора, где сидели те двое... О, изуверская смертельная пытка! Но она все выдержит, не посрамит их достоинства, у отца нет причин волноваться. Исабель скорее умерла бы, чем дала еще один повод для насмешек. Она видела, что десятки любопытствующих глаз, удвоенных лорнетами, поблескивают в полутьме театральной залы, ища развлечений.

"Скорей бы все разъехались!" – неожиданно шепнул ей Федерико – От этой свадьбы только суета и беспокойство. Вы с отцом, вероятно, тоже отправитесь в загородный дом? Сейчас так утомительно и жарко в городе." А ведь он жалеет ее! О, какой невыносимый стыд! Щеки Исабель неудержимо заливались краской, и ей пришлось укрыться за спасительным веером. "Да, в городе очень жарко."

* * *

Густыми ресницами Исабель прикрыла наверхушиеся слезы, они заволокли волнистой пеленой глаза, напомнив соленую морскую воду. Море Исабель видела лишь два раза в жизни, и оно действовало на нее магически, вызывая почти священный восторг и необъяснимый трепет. Никогда и ничего не боявшаяся, отчаянная наездница, способная не хуже иного мужчины управиться с едва объезженным мустангом, Исабель с бьющимся сердцем замирала перед таинственной далью моря, испытывая мистический страх. И теперь она понимала – отчего.

Первая красавица оскорблена у всех на глазах! А завтра ее подлый избранник возвратится в Веракрус и, навсегда забыв о ней, уплывет в дальние моря. Даже не зашел с прощальным визитом, хотя был представлен ее отцу. Ничтожество! Как она могла обмануться? Но если... Но, если б Мигель вернулся и произнес те заветные слова, она, не раздумывая, кинулась в его объятия! И что ей фамильная гордость? Любая простолюдинка счастливей ее и может хоть на край света пойти за своим возлюбленным! А она, Исабель, зависит от сотни кем-то выдуманных условностей. О, если б только Мигель полюбил ее всем сердцем, и чтобы она безраздельно владела его душой до конца дней! Она, не колеблясь, отринула бы все предрассудки и не чувствовала себя грешной. Никто и ничто, кроме любви, не имело бы власти над ней. А в ее теперешней жизни непозволительно даже страдать.

Опять эта несносная Рамона! Хоть дверь на ключ запирай...
Что там еще?

* * *

– Моя дочь сейчас не вполне здорова и, к сожалению, не сможет выйти, но я непременно передам ей прощальный поклон от Вас.

– Нет, отец! – в гостиную стремительно вошла Исабель, – Позволь мне самой проститься с нашим любезным капитаном.

Она резко откинула длинную кружевную шаль – в руке блеснул дуэльный пистолет – и глядя прямо в недоуменные серые глаза, выстрелила капитану в сердце.

* * *

Отец Исабель, занимая влиятельное положение, сумел представить дело так, что его дочь лишь по трагической случайности застрелила капитана. Исабель показывала ему пистолет из отцовской коллекции, не зная, что он заряжен. Ей удалось избежать тюремного заключения, но остаток жизни она провела в загородном доме, забытая всеми.

Жизнь восьмая – Лоренс (1900 г. Англия)

Устроившись после обеда в своем глубоком кресле с чашкой кофе и сигарой, Лоренс по обыкновению состоятельных лондонцев просматривал вечернюю газету, вернее, только ее вторую половину. Парламентские дебаты ни по обсуждаемым вопросам, ни по казусу его рождения не представляли для Лоренса ни малейшего интереса. И далекая африканская война с бурами его жизни не затрагивала, как и благотворительные балы в пользу сирот, поскольку вклада в пополнение детских приютов он не вносил – этого греха за ним точно не водилось. А пикантная могла быть ситуация!

Интересно, с каким выражением лиц высокородные дамы-патронессы приняли бы деньги от незаконного сына – те же самые деньги, за которые они рассыпались в благодарностях перед его папашей-лордом? Хорошо, что он избавлен от необходимости общения с этими чопорными моралистками, да и с отцом тоже, ведь их орбиты нигде не пересекаются. Милорд просто ужаснулся бы разношерстного окружения своего сына. Что ж, такому парии, как он, доступно очень немного, зато возбраняется еще меньше.

Лоренс, не удостоенный признания высшего общества, в полу-светской и богемной среде с удовольствием принят во

многих домах. С его приятной внешностью и даром искрометного рассказчика, ему легко стать душой всякой компании. В особенности же он обласкан вниманием пылких и непритязательных дам, бескорыстных поклонниц чистого искусства, хотя без особой взаимности. Жаль только, что его блеклое дарование не позволяет войти в круг настоящих художников, как равный. И в отличие от них, он лишен всепоглощающей страсти к живописи, как впрочем, и ко всему на свете.

Лоренс перелистнул еще пару страниц... Вот теперь началась знакомая и приятная его душе стихия: светские новости, театральные премьеры, гастролы, скачки, объявления и курьезы. Потягивая кофе, он скользил неспешным взглядом по строчкам и вдруг поперхнулся, впившись глазами в колонку "Судебной хроники". "Сегодня на утреннем заседании по делу "Дэдли против Дэдли" истец – глава известного торгового дома – неожиданно произнес разоблачительную речь, шокировавшую всех присутствующих в суде. Вот ее дословный текст, переданный нашим репортером.

"Ваша честь, господин судья и господа присяжные! Сейчас, в присутствии адвокатов обеих сторон и всех находящихся в этом зале, я должен сделать заявление, к которому вынуждает меня тяжкий долг. Если отцовские чувства могли бы удержать меня от обнародования нижеследующих обстоятельств, то неуклонный долг христианина не позволяет мне потворствовать вопиющему пороку, тень которого па-

дает позором на нашу семейную и деловую репутацию. Как вам уже известно, мой сын подделал финансовый документ, по которому намеревался получить в банке крупную сумму, и сей прискорбный факт, к сожалению, получил широкую огласку. Хотя даже этот немыслимый поступок, скрепя свое разбитое сердце, я готов был ему простить, учитывая его искреннее раскаяние. Но Уилфрид имел дерзость признаться мне, ради кого он предал отца – это не титулованный отпрыск знатного рода, с которым моего сына связывают... Простите, язык немеет, не в силах произнести эти слова... чудовищные отношения содомского греха. И потому я публично объявляю, что навеки отрекаюсь от своего сына Улфрида Дэдли. Это касается как общественного положения, так и изменения моего завещания в пользу других наследников, и я полностью передаю его дальнейшую судьбу в руки королевского правосудия."

Лоренс не удержал забытую в руке чашку, и темная кофейная гуша выплеснулась на газету и колени, забрызгав светло-серые брюки. Как уличная грязь предместья, мелькнуло у него в голове – так и всего меня скоро в ней вывалят. Проклятье! Мало того, что он презренный бастард, так надо еще влипнуть в гнуснейшую историю! Вскочив с кресла, Лоренс заметался по комнате пойманным зверем. Что ж, господа, торопитесь полюбоваться на редкостную диковинку! Смелей подходите к клетке, гневно тыча пальцем, показывайте вашим благовоспитанным детишкам – чудище не

кусаются, зубы уже обломаны. А как упоительно все начиналось... Теперь ясно, почему Уилл прислал ему то безумно-отчаянное письмо, умолял ничего не решать окончательно и подождать хотя бы пару недель, клятвенно обещая найти выход и достать денег – только бы им никогда не разлучаться! А потом вдруг исчез, и Лоренс успокоился, почти перестав о нем думать.

И зачем он, дурак, придумал эту причину – свое внезапное безденежье? Надеялся таким образом оградить себя от всепожирающей страсти Уилла, в последнее время дошедшей от обожания, которое Лоренс поначалу милостиво принимал – до умопомрачения, когда Уилл ему наскучил. Как униженно тот ползал, рыдая у ног, на этом самом ковре, им же подаренном, в злополучный день, когда Лоренс сказал, что вынужден принять предложение некоего богатого джентльмена, поскольку отец резко уменьшил его содержание. Это было чистой водой неправдой. Папаша-лорд, хотя и не думал признавать сына официально, всегда заботился о них с матерью. Оплатил достойное воспитание, учебу в университете, даже прихоть занятий живописью, и назначил ежегодную сумму, вполне достаточную для безбедной жизни. Порой Лоренсу казалось, что милорд не только его стыдится, но втайне опасается какой-нибудь компрометирующей выходки. Это уязвляло и в то же время льстило ему.

Так вот какой выход нашел Уилл – совершив подлог документа, обокрасть своего отца! Внезапное превращение доб-

ропорядочного буржуа... Правда, когда-то он похвалился Лоренсу, что, занимаясь делами в их конторе, удивительно наловчился подделывать отцовскую подпись – конечно, ради шутки! – так что даже приказчики не могли отличить. А дотошные служащие банка сумели. Но какого черта его угораздило исповедоваться отцу во всех грехах?! Неужели понадеялся, что тот растает от умиления перед его любовными страданиями и все простит широким жестом? Безмозглый идиот!!! И его утянет за собой в пропасть! Хорошо, что ма-тушка не дожидается до позора. Теперь конец всему... Хоть пулю в лоб! Куда бежать, где скрыться?

Он погиб – схватят и забьют, как шелудивую собаку, а ведь ему только двадцать пять лет. И без того с детства на нем клеймо отверженности, всю жизнь он обречен ловить на себе любопытные взгляды и слышать за спиной шепот пересудов. Все норовят заглянуть к нему в спальню и в кошелек... Почему он должен расплачиваться за чужие грехи? О, если бы люди оставили его в покое, будто он сделался невидимым! Чтобы жить открыто, без опасений, ни от кого не таясь. Хоть нагишом среди бела дня ходи – чтоб ненавистным ханжам и святошам не было до него ни малейшего дела! Почему человеку непременно нужно подтвердить породистость, как на собачьей выставке, а иначе эти лицемеры не удостоят своим вниманием? Если б знать, что его ожидает такая участь, лучше всю жизнь провести в одиночестве...

* * *

Лоренсу пришлось скрыться из Лондона и поселиться в маленьком городке в Девоншире. Только годы спустя, когда начавшаяся Мировая война затмила все скандалы, он рискнул вернуться в столицу, неприметно прожил до старости, давая уроки рисования.

Жизнь девятая – Нина (1995 г. Россия)

Нина скосилась на часы над дверью, до конца второй пары оставалось еще пятнадцать минут. Она порядком замерзла, несмотря на два обогревателя по бокам, все равно в одном месте жарит, а другом тянет сквозняком. Тело давно изнывало от неподвижности, к тому же на этой постановке ее посадили с таким вывертом, что сильно мозжила поясница. Чтобы скоротать время, со своего помоста Нина обвела глазами аудиторию. Большинство нетерпеливо маялось за мольбертами, дожидаясь конца занятий. Лишь некоторые, спохватившись, бросали на натурщицу цепкие взгляды, делая быстрые выпады кистью. "Перед смертью, ребятки, не надышитесь..."

Она вновь с тоской посмотрела на часы – прошло всего две минуты. В сегодняшней группе был ее любимец Андрей. Тщедушный и остроносый, с волнистыми длинными волосами, что при теперешней бритоголовой моде выглядело редкостью, он необъяснимо нравился ей. Напоминал юношей на старинных портретах. Иногда она даже беспокоилась, не побьют ли его за прическу, не пристают ли парни на улице? Буквально у нее под носом на первом курсе завихрился его роман с той вертлявой девицей и резко оборвался, чему Ни-

на была очень рада. Должно быть, сказывался ее нереализованный материнский инстинкт.

Вообще-то Нину привлекали мужчины другого склада и старше лет на десять. Наверно оттого, что в детстве не хватало отца, когда родители развелись, и сильный пол долго оставался чуждым и загадочным племенем. Поэтому двадцатипятилетний Сергей так ее обморочил в свое время – почти мимоходом, не прилагая никаких усилий и чуть презрительно удивляясь ее самозабвенной любви. Как бежал по своим делам, вынужденно затормозив у эскалатора в метро, где толпа притиснула их друг к другу, так и относился к ней – временной попутчице, и только. А у нее вся жизнь рухнула под откос в семнадцать лет...

Думала поступать в Ин-яз и серьезно готовилась, но в том неожиданном любовном угаре на экзамене провалилась. Конечно, сказала и обычная школа на окраине, репетиторы в ее молодости были редкостью, впрочем, денег у матери все равно бы не нашлось. А Нине от расстройства втемяшилось в голову: раз он учится на театрального художника, ей надо обязательно иметь отношение к театру. Но кем возьмут без профессии? Она обегала несколько театров, и в одном, даже академическом, требовалась костюмерша, кто-то очень кстати уходил в декрет. Гордо сообщила новость Сергею, а он только насмешливо присвистнул.

Два года Нина прокрутилась там с бесконечной глажкой и мелкой починкой костюмов, ночными возвращениями по-

сле спектаклей, капризами актеров, выездными спектаклями, упаковкой-распаковкой кофров. А любимый однажды врезал под дых откровением, что решил вернуться к жене. И по дочке, оказывается, очень соскучился. Да, он говорил ей, что живет в полу-разводе, и Нина безрассудно понадеялась на чудо. Сергей в то время суетился со сдачей диплома, и ревниво скулящая Нина ему надоела до отвращения. Теперь страшно вспомнить, как униженно она цеплялась за Сергея, как каждый телефонный звонок по куску уносил жизнь...

Тогда еще не вошел в моду термин "депрессия", а книжная нервная горячка уже потеряла актуальность, просто сил жить не осталось. Нина уволилась из театра, забилась дома, и не зная, как быть дальше, всерьез хотела наложить на себя руки. Мать, тоже пытавшаяся наладить личную жизнь, в то время сошлась с их заводским мужичком и ушла к нему, и Нина осталась один на один со своим несчастьем. Устроилась поблизости почтальоном, работа начиналась с восьми утра, зато весь день был свободен. Она с детства неплохо рисовала и решила летом куда-нибудь поступать, например на модельера. Со скрипом сдала экзамен по рисунку, но завалила живопись и так сникла, что даже на подготовительные курсы не пошла. Но однажды на доске объявлений увидела, что им требуется натурщица, и почему-то запомнила. Метнулась еще туда-сюда, даже ни истфак... Зачем? Бог весть...

От непроходящей тоски и страха одиночества затеяла новый роман, конечно, неудачный. Ладно бы куролесила – есть,

что что вспомнить, но она маялась осликом по кругу, от чего мучительно уходила, к тому же и возвращалась, с вариациями... А тут зима наступила, необычайно холодная, и не выдержав вставаний затемно и хождения по обледенелым улицам, да еще начальница почти ни за что ей нахамила – уволилась с почты. Нервы были на последнем пределе, казалось, от малейшего усилия внутри что-то может оборваться, и не виделось никакого просвета в будущем. У нее часто болело сердце, и настолько близкими стали слезы, что она боялась расплакаться на людях. Больше не пыталась никуда поступать, тем более что надо было зарабатывать на жизнь.

Почему все так нелепо складывалось? Ведь не урод, не дура, не стерва – а никому на свете не нужна, будто клеймо на лбу. И ни одной толковой мысли – чем заниматься в жизни? Почему женщина непременно должна иметь профессию? Интересно, кем бы мечтала стать хваленая Наташа Ростова или Татьяна Ларина? Нина с трудом могла представить работу, которой занималась бы с удовольствием, а только ради прокорма – не все ли равно, если в главном она презренная неудачница? Стать библиотекарем – от одиночества свихнешься, бухгалтером – умрешь от скуки, воспитателем детсада или учителем литературы – дети в больших количествах ее пугали. Казалось, надо еще немного пожить ПОКА, все перетерпеть, собрав остатки воли. И судьба вдруг смилоствивится...

Какой дурак сочинил притчу о лягушке в молоке, сбив-

шей масло? В жизни часто оказывается, что сливки давно сняты, а лягушка напрасно барахтается в сыворотке. Нина грустила о семье, о добром муже и детях, а вынуждена таскаться по городу бездомной собакой, выискивая объявления "требуется". Однажды, в каком-то наплевательском отчаянии, она вспомнила про натурщицу и съездила наудачу в два художественных института. В одном ее взяли, и она приятно удивилась расценкам за час, все минусы этой работы обнаружилось в процессе. Сначала позировала в "античных" драпировках, а потом привыкла и к обнаженке. Впрочем, она всегда была готова к худшему, а отбиваться по-настоящему пришлось всего пару раз. На нее смотрели лишь, как на учебный объект, даже ни одного романа здесь не случилось, как женщину, ее просто не замечали. Но в общем, жить было можно. Да и прожила уже почти...

Только бы не разламывалась так сильно поясница, и внизу живота последнее время все тянет. А сегодня особенно холодно, северный ветер в окна. Уж скорей бы лето, чтобы начались каникулы, и было по-настоящему жарко – всласть отогреться на солнышке! А лучше всего жить в какой-нибудь южной стране... Ходить босиком по нагретой земле и наслаждаться ароматами цветов, фруктов и пряностей восточного базара...

* * *

Нине так и не удалось попасть на юг... Она одиноко прожила еще восемь лет, совсем немного не дотянув до долго-

жданной пенсии.

Эпилог.

– Прошу несколько минут внимания и тишины! От имени Высших Сил – многие называют нас серафимами или архангелами – я рад приветствовать здесь очередные новопреставленные души! Все вы прошли нелегкий жизненный путь в долгой череде девяти земных воплощений. Вам доставались драматичные судьбы, вы оказывались на разных континентах, исповедовали непохожие религии. Были мужчинами и женщинами, богатыми и бедными, жертвами и палачами, счастливыми и неудачниками, окончив свою последнюю жизнь, кто – глубоким стариком, кто – ребенком. Мы прекрасно знаем, что вы давно грезили о награде – Вечном Небесном Отдохновении и вполне заслужили его, но...

Но в связи с тем, что население Земли стремительно растет, в последние годы возник большой дефицит Энергии для создания новых человеческих душ, поэтому я убедительно взываю к великодушному пониманию этой нелегкой проблемы! Мы вынуждены сообщить вам, что каждой душе придется еще раз вернуться к земной жизни, но я официально уверяю всех, что это десятое воплощение будет последним и окончательным. Тише-тише, пожалуйста! Не волнуйтесь так сильно, прошу всех сохранять спокойствие! Поймите, что лишь непреодолимые обстоятельства заставляют нас пойти на столь крайнюю меру. К тому же не лишне напом-

нить, что и Высшие Силы всегда проявляли о вас заботу, исполняя самые заветные ваши желания, и сейчас вправе рассчитывать хотя бы на малую толику ответной благодарности. Надеюсь, с этим никто не будет спорить?

И еще одно дополнение: на этот раз не будет даже краткой возможности для отдыха перед последним воплощением, и прошу всех быть готовыми к отправке на Землю в ближайшие дни. Разумеется, все ваши мечты и пожелания из девятой жизни остаются в силе. Спасибо всем за внимание и в добрый путь!

* * *

Под раскаленным полуденным солнцем Дакки худенький, как закопченная щепка, паренек на велосипеде с тележкой упрямо лавирует в гудящей и тархтящей уличной толчее. То изнывая в заторах от удушающих выхлопов, он еле-еле ползет черепашьям шагом, упираясь в чью-то спину... То налегая изо всех сил жилистыми ногами, яростно крутит педали, ввинчиваясь между мотороллеров и таких же, как он, вело-рикш. И совершив удачный маневр, озорно сияет бело-сахарными зубами на смуглом лице...